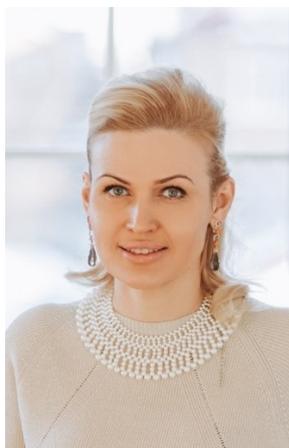

УДК 316.3

DOI 10.18522/2227-8656.2020.3.12

**«СИМВОЛИЧЕСКИЕ
ПРОГРАММЫ», «МЫШЛЕНИЕ»
И «СОЦИАЛЬНОЕ
ПОВЕДЕНИЕ»:
СООТНОШЕНИЕ
ФЕНОМЕНОВ**

**«SYMBOLIC PROGRAMS»,
«THINKING»
AND «SOCIAL
BEHAVIOR»:
CORRELATION
OF PHENOMENA**

Андриевская Жанна Викторовна

Докторант, кафедра теоретической
социологии и методологии
региональных исследований,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: bambinoboom@mail.ru

Zhanna V. Andrievskaya

Doctoral student, Department
of Theoretical Sociology
and Methodology of Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: bambinoboom@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению соотношения между такими феноменами, как «символические программы», «мышление» и «социальное поведение». Принципиальная гипотеза статьи состоит в том, что эти феномены являются элементами единой системы, функционирование которой фундирует здоровое воспроизводство единой системы общества в широкой исторической перспективе. В статье подчёркивается, что совокупное единство этих феноменов определяет национальную, религиозную и иные формы идентичности человека.

The article is devoted to the consideration of the relationships between such phenomena as «symbolic programs», «thinking» and «social behavior». The principal hypothesis of the article is that these phenomena are elements of a holistic system, the functioning of which substantiates healthy reproduction system of society in broad historical perspective. The article emphasizes that combined unity of these phenomena determines the national, religious and other forms of human identity.

Ключевые слова: символические программы; мышление; социальное поведение.

Keywords: symbolic programs; thinking; social behavior.

Введение

Рабочей гипотезой данной статьи является положение, в соответствии с которым элементы ряда символические программы – мышление – социальное поведение оказываются элементами единой системы, функционирование которой обеспечивает продолжительное функционирование того или иного общества в долговременной исторической перспективе; при этом именно гармоничное функционирование системы символические программы – мышление – социальное поведение является ключевым признаком, показателем и мерилем, индикатором, «лакмусовой бумагой», проявляющей здоровое устройство того или иного общества, его способность к здоровому воспроизводству и устойчивому развитию в широкой вековой и тысячелетней перспективе.

Символические программы. Будучи *нормативным ядром коллективного* (в том числе *этнического*) *бессознательного*, *символические программы* играют роль поля традиций, на котором разворачивается социальная человеческая жизнь во всех проявлениях её установленной «ритуальности», учреждённом некогда порядке, и носящей в большей своей части характер заведомо не подверженных рефлексии автоматизмов. Эти автоматизмы мышления оказываются той сценой, на которых разыгрывается спектакль повседневного поведения, правила которого заведомо предпосланы в смысле предпосылок мышления, поведения и деятельности и фиксированы на глубинных уровнях бессознательного.

Формируя, наполняя и образуя глубинные уровни человеческой культуры, символические программы выступают в этой своей функции в роли культурных архетипов (по аналогии с коллективно-бессознательными архетипами К. Юнга) и оказываются в функции поддержания обеспечения *устойчивости социального порядка* через детерминацию человеческого *мышления* (само же это мышление оказывает механизмом воспроизводства этих символических программ – этнических, гендерных, профессиональных, классовых, родовых, вплоть до дворовых традиций поведения молодёжи и пр.).

Тем самым именно символические программы оказываются своего рода молекулами культурного кода по *анalogии с генами в ДНК*, в которых записывается – воспроизводится и развивается – та или иная общность людей в любых широких масштабах исторического процесса (как в микроисторическом смысле жизненных циклов отдельного человека, так и в макроисторическом смысле жизни отдельных поколений и целых родовых линий, истории государств и стран).

Понятно, что при специфических стечениях обстоятельств отдельные символические программы могут и вступать как во взаимное обогащение, так и в конфликт и конкуренцию (например, инновации Петра I в среде русских бояр, которые до последнего не желали брить бороды, курить табак и пить водку, – хрестоматийно); и даже более того, символические программы, взятые даже в границах отдельной этнической общности, могут вступать в отношения конфликта и конкуренции – например, гендерные и профессиональные, где за последними часто закрепляются те или предрассудки (например, традиции, в соответствии с которыми женщина не может быть кузнецом, пахарем, учёным или кем-то ещё в профессиональном плане).

Так, «культурные архетипы можно рассматривать в качестве коллективно-бессознательных духовных инвариантов жизнедеятельности людей, включающих в себя неосознанные предрасположенности к определённому образу социального поведения» (Ментальные программы ... , 2016. С. 38), и, дополняя, можно сказать, что культурные архетипы включают в себя не только предрасположенности, но также нормативно-ценностные убеждения и предубеждения, предрассудки, установки и предустановки; при этом на таком глубинном уровне они функционируют синкретически – неразлично на нормы и ценности, структуры этого уровня детерминируют социальное поведение людей ещё до начала действия. Так, например, институты табу и табуирования, детально изученные в структурализме, детерминируют социальное поведение человека и определяющим, даже предопределяющим образом воздействуют на его поведение, запрещая определённые действия в табуированном направлении; в данном случае фигурирует институт запретов – например, на прямой физический контакт.

Продолжая, следует указать, что «при определении содержания ментальных программ в них необходимо выделить осознанные (рефлексивные) и неосознанные (нерефлексивные) структуры... ментальные программы в содержательном плане представляют собой совокупность рефлексивных и нерефлексивных представлений, ценностей и установок» (Ментальные программы ... , 2016. С. 39), и именно за счёт действия *механизмов мышления* они внедряются и включаются в живую практику повседневности, которая носит бессознательный и отчасти сознательный характер – отчасти они подвержены рефлексии, а отчасти пребывают вне таковой.

«Символические программы», «мышление» и «социальное поведение»: соотношение феноменов

Структурируя социальное поведение, символические программы, действуя через мышление человека, определяют как его этническую его принадлежность (идентичность), так и классовую, профессиональную, гендерную и все прочие типы идентичности, каждый из которых в процессе исторической кристаллизации обрастает соответствующей системой ценностей (получает свой аксиологический портрет), моделей поведения и привычек, автоматизмов, сопутствующих явлений (понятно, что именно «надстроечных явлений», выражаясь языком марксизма).

Понятие символических программ является весьма молодым в ряду понятий социально-философского круга; фиксируя все возможные феномены человеческого поведения и деятельности, которые отмечаются в практике повседневности – и обычаи, и ритуалы, и стереотипные поведенческие программы, функционирующие в том или ином (русском или же английском, китайском) социуме и выполняющие функции, регулирующие эту повседневность. Понятие символических программ охватывает все классы и категории социального мышления и поведения человека, которые отражаются в особых кодах культуры.

При этом само же мышление отдельного человека оказывается своего рода шестерёнкой в машине (системе) функционирования общества, оно выполняет функции *реализации* нормативного содержания символических программ, выступая в роли посредника между культурой с её пластами коллективного бессознательного и реальной практикой повседневности (с её предустановленными ритуалами).

Мышление, понятое как способность к речевой (языковой), мыслительной деятельности, издревле понимается как исключительно человеческая прерогатива. В среде исследователей феноменов этого круга до настоящего времени нет даже и намёка на единство; например, часть исследователей указывают на единство слова и мысли, что ведёт к выстраиванию соответствующих концепций (так, например, существует гипотеза лингвистической относительности как антитеза гипотезе выражения мысли в языке), иная же часть указывает на противоположность слова и мысли (критикуя тезис Хайдеггера о «языке как доме бытия» и формулируя концепции антагонистического отношения языка и мышления как консервативной и прогрессивной сил в человеческой культуре). Так, отталкиваясь от исследований Г. Щедровицкого (Щедровицкий, 1995) и А.В. Лубского (Ментальные программы ... ,

2016), допустимо понимать мышление как самостоятельный и относительно обособленный процесс и фактор в человеческой деятельности, который отвечает за функцию преобразования информации (по аналогии с памятью, имеющей функцию хранения информации): мышление там, где происходит переработка (синтез и анализ) знаний – отдельных фактов и попросту чувственно-эмпирических структур, гипотез и теоретических конструкций, оформления глубинных интуиций, вербализации и пр. Такое предельно широкое понимание мышления совпадает с мышлением в одном из смыслов Дьюи: «В самом широком смысле мышление обозначает всё, что, как говорится, “придёт в голову” или “взбрёт на ум”. <...> Всякая смутная мысль, простое воспоминание или промелькнувшее впечатление удовлетворит его требование. Мечтание, постройка воздушных замков, свободный поток случайного и разрушенного материала, стремящийся через наш ум в моменты отдыха, – всё это в этом неопределённом смысле является *мышлением*. Часть нашего бодрствования, большая, чем мы хотели бы сознаться даже себе, проводится в этом бесплодном занятии смутными мыслями и беспредметными мечтаниями» (Дьюи, 1997. С. 12). Тем самым понятие «мышление» охватывает весь тот спектр процессов, которые можно называть *оперированием информацией* (Дьюи противопоставляет это понимание характерно рефлексивному мышлению).

Социальное поведение, под которым традиционно принято понимать поведение, реализующее определённую фиксированную социальную норму. В этом смысле такое поведение есть образ и реализация той или иной символической программы, которая заложена в культуре и представлениях о нормальном социуме; как следствие, это определённая синтагматика, которая есть реализация норм, заложенных (или закодированных) в парадигмах социального взаимодействия (собственно, коды культуры). Такое понимание является наиболее общим для всех учёных в области человеческого поведения (той же этологии, например).

Вместе с тем проведённый анализ позволяет говорить о том, что социальное поведение в человеческом социуме часто выступает критерием того, что обыденное сознание именуется адекватностью в её всецело социальном смысле, причём как формальной, так и содержательной: индивидуум именуется неадекватным в том случае, если векторы его социального поведения не соответствуют принятым в парадигме культуры образцам и нормам. Однако это опять же бьёт мимо цели – контркультурное поведение как демонстративно антисоциальное является не чем иным, как соответствующей куль-

турой, соответствующей нормой, принятой в той или иной контркультуре (в том числе и в новомодных субкультурах и пр.).

Нарастающий в настоящее время в мире *тотальный релятивизм*, придание любым и всяким нормам и меркам *относительного статуса*, не мог не затронуть даже эту сферу: сегодня всякий тип социальности и нормированной культурности пытаются навязать как приемлемый – хоть трижды сменив пол, хоть вступив в брак с представителем своего же пола, человек ввиду всё усиливающего тотального релятивизма продолжает считаться адекватным из-за присутствия соответствующих норм культуры; эта деструктивная в нравственном отношении доктрина (фрагмент глобализма как современного политического дискурса), надо полагать, ещё сыграет не одну свою чудовищную шутку с *западным миром*. В этом смысле, как будет рассмотрено далее, *Россия* нуждается в особых идеологических (и культурных, надстроечных вообще) ресурсах, которые могли бы помочь побороть эти крайне разрушительные – и в нравственном, и в физическом отношении – идеи.

Как следствие, выводится обобщение рассмотренного материала: пласты коллективного бессознательного, кодифицированные в символических программах, являются глубинным детерминирующим уровнем по отношению к социальному поведению отдельного индивида; при этом его (индивида) мышление оказывается механизмом реализации этих символических программ в практике повседневности – символические программы проявляются в социальном поведении через медиатор (мышление); повседневное мышление интерпретирует социальные ситуации и тем самым через синтез в символических программах реагирует на те или иные – как на самые ординарные (шаблонные), так и на нестандартные события социальной жизни, реализуя наличные символические программы в практике повседневности.

Заключение

Итак, цель данной статьи – обоснование рабочей гипотезы – достигнута: элементы единого ряда символические программы – мышление – социальное поведение – это элементы единой целостной системы, функциональное существование которой обеспечивает здоровый естественный пульс общественной жизни в контексте долговременной, исторически значимой перспективы и отвечает за формирование поля (background) повседневности, на котором разыгрываются те или иные социальные ситуации.

Литература

Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. М. : Совершенство, 1997.

Левы-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. В.В. Иванова. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе / отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2016.

Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. 800 с.

References

Dewey, D. (1997). Psychology and pedagogy of thinking. Moscow: Sovershenstvo. (in Russian).

Levy-Strauss, K. (2001). Structural anthropology. Trans. from French V. V. Ivanov. Moscow: EKSMO-Press. (in Russian).

Mental programs and models of social behavior in Russian society. (2016). In A.V. Lubsky (Ed.). Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya. (in Russian).

Shchedrovitsky, G.P. (1995). Selected works. Moscow: Shkola kul'turnoy politiki. (in Russian).

Поступила в редакцию

5 мая 2020 г.